

Рынок всё покажет?

Когда наступили рыночные времена, одним из первых новосибирских художников, кто отважно отправился в Москву не то завоёвывать, не то пробовать столичный арт-рынок, был Алексей Хусточко. Он всегда был лёгким на подъём.

Выставочные залы на Крымском Валу вписались в рынок и давали всякому возможность испытать себя на этой стезе. Алгоритм был один: арендуй зал (один или несколько, смотря по амбициям), оповести общественность (к вашим услугам ТВ и пресса, можно заказать и рецензию) и лови птицу удачи.

Зал, где разместился со своими картинами Хусточко, был рядом с залами, где экспонировались работы «осьминогов», группы из восьми сибирских художников, претендовавших на звание самых продвинутых творцов Новосибирска. Они

и в Москву ехали за подтверждением обоснованности своих амбиций, за признанием своей сугубой незаурядности.

Во всяком случае «отбить» расходы на поездку надеялись и даже были уверены.

Коварная столица приняла провинциальных новаторов холодно. Настроение быстро испортилось. Торговля шла плохо. Вернее, никак не шла. А рядом, в соседнем зале у «непродвинутого» Хусточки с первых дней экспозиция убывала. К концу второй недели три четверти его картин было приобретено. На стенах висели верёвочки-подвесы, завязанные бантиком.

У сибирских осьминогов таких бантиков раз-два и обчёлся. Тоска.

Да ещё Алексей Андреевич то и дело бодрячком заходит, по-соседски утешает. Советует что-то.

Тоска. И на кого злиться, кого винить, неясно.

Сами ведь «продвинутые» всегда заявляли, что рынок всё покажет, кто в новом обществе нужен, а кто остался в прошлом.

Кто умеет рисовать

Илья Ефимович Репин при первом знакомстве с молодым художником предлагал ему нарисовать лошадь. Мэтру сразу становилось понятно, насколько неофитом освоен рисунок – основа основ. Сам Репин был большим мастером, рисовальщиком от Бога. Но в хоре восторженных похвал однажды и ему досталось критики. Михаил Врубель, уже добившись известности и признания, вдруг заявил старшему собрату при встрече:

– А ведь вы, Илья Ефимович, совсем не умеете рисовать.

Обескураженный Репин только развёл руками.

– Сколько людей, столько мнений?

Я был знаком с несколькими новосибирскими художниками, которые без лишней скромности называли себя лучшими рисовальщиками города.

Анатолий Сляднев перечислял тройку лучших: Сляднев, Колесников, Чебанов.

Владимир Колесников настаивал на своём варианте почётного пьедестала: Колесников, Сляднев, Чебанов.

Усиливал свои позиции в этом споре Владимир Климентьевич апелляцией к московскому авторитету (фамилию его он называл, но я уж и не помню её), который якобы ему прямо говорил:

– Ты, Володя, в масштабах Союза где-то четвёртый-пятый рисовальщик. Таких поискать и в Москве!

Не ногами вперёд, и то хорошо!

Известный новосибирский художник-сценограф Владимир Авдеев рассказывал.

– Позвал нас как-то Сашка Заморов помочь со сдачей объекта. Не успевал он к Новому году закончить монтаж оформления загородного ресторана «Колос». Заказчик был солидный и, что было редкостью в те смутные 90-е годы, денежный – объединение «Новосибирскхлеб». Глава его, всемогущий Эдуард Адольфович Шнейдер, скверно ругал шалопая Сашку и грозился прибить его, если сорвутся новогодние «корпоративы».

– Выручайте, друзья! – взмолился Сашка. – Магарыч с меня!

Приехали мы на объект чуть не семеро. Думаем, управимся за пару-тройку часов и по домам. У всех дела, предпраздничные хлопоты. Осмотрелись на объекте, а там, как говорится, конь не валялся. Сашок чуть не падает от усталости. Панно

его стоит в ящиках. Стали разбирать. Разложили, посмотрели. Чеканка, бронза, роспись в русском духе и резьба по ДСП. Всё по тогдашней моде. Удачный проект. Похвалили Сашку.

Хлопнули по стакашку вина, засучили рукава, взялись монтировать.

Дело нехитрое: эскизы тут же лежат на полу, доставай элементы да крепи на стены согласно авторскому замыслу.

Сашка повеселел. Режет нам бутерброды, наливает вино. Зовёт выпить, шутит, что с такой бригадой ему и угрозы Шнейдера не страшны.

Мы пьём, работаем. Только к ночи всё доделали. Прибрались второпях. Сели в закреплённый за Сашкой автобус. На посошок допили, что оставалось. Развёз автобус нас по домам.

Утром на объект приехал крутой шеф «Новосибирскхлеба». Остался доволен. Корпоративы новогодние не сорвались. Для тех времён «Колос» стал самым престижным местом загородных вечеринок и корпоративных торжеств. И оставался таковым несколько лет, пока не сгорел после встречи Нового года банком «Менатеп», в котором я работал.

– Был ты там, в «Колосе»? – спросил меня Авдеев.

– Был.

– Видел панно с лебедями.

– Подробностей не помню, но общее впечатление: сказочный терем в русском стиле. Оригинально, стильно.

– Не заметил, как лебеди летят?

– Нет, а в чём дело?

– По пьянке и в спешке примастырили мы их спинами вниз.

– Кто обнаружил?

– А вот слушай. Прошли праздники, промелькнули новогодние каникулы.

Получил Сашка полный расчёт. Поил всех нас. Потом мы с ним поехали забрать инструменты и оставшиеся материалы. Заодно посмотреть трезвым взглядом на готовый объект.

Приехали. Смотрим.

Вдруг Сашка схватился за сердце.

– Что такое, Сашок?

– Гуси-лебеди не так летят.

Пригляделся и я. И тоже охнул: сказочные птицы летят спиной вниз.

– Ё-моё!

– Что делать, Вова!

– А заказчик что говорит?

– Да не заметил пока никто!

– Ну и ты молчи. Пусть остаётся всё как есть. Лучше вверх ногами, чем ногами вперёд!

Вздохнул Сашка затравленно и махнул рукой.

Так и осталось. Летели сказочные птицы вниз спиной.

Но не ногами вперёд!

А это главное.